

СМЕХОВЫЕ АРХЕТИПЫ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО СУБСТАНДАРТА

Освещается проблема языкового выражения смеховых архетипов в субстандартной лексике французского и русского языков. Автор рассматривает типичные семантические поля, специфику синонимии, а также характерные метафорические образы в плане соотношения универсального/национального в семантике данной лексики.

Ключевые слова: субстандарт; аргю; жаргон; культура; семантика.

Интерес к изучению субстандартных идиомов – языковых подсистем, не обладающих признаком нормативности, характерен для современной лингвистической парадигмы. Многие исследователи нередко рассматривают просторечие, аргю, жаргоны, сленг и их различные промежуточные варианты как некий языковой гетерогенный конгломерат, имеющий более или менее системный характер, что, по-видимому, связано с целым рядом причин. Во-первых, в исследовании социальных диалектов в последние годы наметилась общая тенденция – от «диастратии» к «синстратии» [1. С. 62], т.е. в сторону упрощения дробности лингвистического объекта. Во-вторых, социолингвистическая реальность современного города характеризуется усилением диффузных тенденций, «размывающих» границы между нормативным и ненормативным, делая социальные признаки носителей конкретных идиомов нечеткими. Наконец, ненормативные идиомы на практике обнаруживают целый ряд общих черт, что делает их рассмотрение в совокупности методологически оправданным.

Вместе с тем для разработки проблем функциональной и социальной дифференциации языка характерен интерес к различного рода промежуточным идиомам – полудиалектам, интерлектам, интердиалектам, интержаргонам, койне и т.п., которые формируются во многих современных языках и имеют социально-лингвистическую природу. Так, в современном русском языке в качестве промежуточных образований обычно называют такие идиомы, как просторечие, региолект и общий жаргон. Последний промежуточный идиом может быть сопоставлен, например, с общим аргю (*argot commun*) в современном французском языке.

Французское общее аргю и русский общий жаргон составили материал исследования, данные которого могут быть в известной мере экстраполированы на общую характеристику субстандартной лексики французского и русского языков.

Традиционно говорят о сниженности субстандартной лексики, о ее пейоративном, а иногда и вульгарном характере, но при этом, по сути, рассматривают ее как бы «извне», безотносительно ее внутренней «философии», ее общекультурной и национально-культурной специфики.

Обычно «волны» жаргонизации/арготизации языка рассматриваются либо в лингвистическом плане (интенсификация перемещения языковых средств по оси «центр – периферия», что является естественным процессом в контексте общего сближения литературных и нелитературных сфер в большинстве современных языков), либо в форме социологической интерпретации данного лингвистического явления (следствие социальных потрясений, резкого ослабления цензуры, коренных изменений в составе участников массовой коммуникации и т.п.).

Однако не менее важным является то, что общий жаргон/общее аргю, будучи органичной частью языка города, естественно вливаются в «философию» народного здравого смысла, выражаемую в смехе, в «раблезианстве». Обилие «телесных», «низких», «вульгарных» образов в данной лексике (как, впрочем, и в лексике просторечия) не есть проявление особой развращенности, испорченности той среды, которая ее порождает и культивирует. Карнавальная смеховая среда, издревле лежащая в природе «низкой» лексики, амбивалентна: в низком в известной мере присутствует высокое, в смерти – рождение и т.д. Истинно карнавальная смеховая среда, гротескная, амбивалентная, пережила эпоху расцвета в Средневековье, но «пережитки этой амбивалентности можно наблюдать даже в фамильярной речи культурных людей нашего времени» [2. С. 458].

В общем жаргоне/общем аргю также в известной мере присутствует элемент «раблезианства», карнавальности, поскольку большая часть этой лексики сводится к ограниченному числу смеховых архетипов. По всей видимости, данные смеховые архетипы универсальны для субстандартных языков: человеческое тело, его физиология, пейоративные действия, быт, названия и характеристики людей, эмоции, общение и т.п. Как следствие этой тенденции количество означающих в изучаемом нами материале намного превосходит количество означаемых – в 2,9 раза в русском общем жаргоне и в 3,5 раза во французском общем аргю.

Исходя из бахтинской концепции карнавальности «низкой», неофициальной городской культуры и языка, мы, вслед за В.С. Елистратовым, не склонны видеть в лексике аргю и жаргонов только примитивное низведение абстрактного к конкретному, высокого к низкому. Смеховые наименования, например, частей тела через вещи мира амбивалентно «очеловечивают» этот мир. Таким образом, через призму арготической/жаргонной лексики можно наблюдать микрокосм носителей этой лексики. При этом данный микрокосм будет непременно иметь, помимо общечеловеческих, и национально-культурные черты [3].

Для анализа смеховых архетипов в семантике изучаемой лексики двух языков были поставлены следующие задачи: 1) выявление и сопоставление типичных семантических полей; 2) выявление и сопоставление синонимии и центров синонимической аттракции; 3) выявление и сопоставление типичных метафорических образов.

При анализе семантики общего жаргона/общего аргю четко прослеживается универсальность наиболее крупных семантических полей. Расхождения обнаруживаются при сопоставлении более частных семантических полей, где наблюдаются следующие варианты несоответствий: а) представленность в одном язы-

ке/отсутствие (лакуна) в другом языке (привативный признак); б) развернутое семантическое поле в одном языке/единичная представленность в другом (градуальный признак).

Очевидно, что в лексике как русского общего жаргона, так и французского общего аргю преобладают единицы, своей семантикой относящиеся к бытовой сфере (78% в русском общем жаргоне и 81% во французском общем аргю). Это закономерно, поскольку данные языковые образования – продукт повседневности, обиходной жизни, неофициальности, стихии городских субкультур. Можно с уверенностью предположить, что такая картина может наблюдаться и в лексическом субстандарте других языков.

Народная смеховая культура обуславливает типичный набор смеховых архетипов в разговорной речи, который образует наиболее универсальные семантические поля внутри бытовой семантической сферы.

В русском общем жаргоне самыми развернутыми являются такие семантические поля, как «нейтральные и мелиоративные действия» (39%), «пейоративные действия» (21%), «наименования и характеристики человека» (15%), «быт» (15%), «физиология» (6%), «преступный мир» (2,5%), «части тела» (1,5%). Данные семантические поля выделяются и в лексике французского общего аргю, однако их количественная представленность (развернутость) иная: «быт» (31,8%), «нейтральные и мелиоративные действия» (25%), «пейоративные действия» (14,4%), «части тела» (10%), «наименования и характеристики человека» (7,3%), «преступный мир» (4%).

Результаты лексико-семантического анализа свидетельствуют, что общий жаргон/общее аргю, подобно жаргонам и аргю, не отличаются большим разнообразием означаемых. Однако ранговое распределение основных семантических полей в изучаемых промежуточных языковых образованиях иное, чем в социальных диалектах.

Исследователи как русского молодежного жаргона, так и уголовных аргю отмечали, что данной лексике русского языка, несмотря на ее гетерогенную природу, присуща общая черта – широкая представленность в них глаголов, объединенных общим значением «пейоративные действия» [4. С. 21]. Общеязыковой узус «отвергает» единицы, выражающие в яркой форме чуждую большинству населения циничную мораль деклассированных элементов или нигилистическую, эпатирующую мораль молодежных группировок, а «отбирает» единицы, органично входящие в народную городскую смеховую культуру. Неслучайно эти единицы достаточно быстро утрачивают жаргонный «ореол» и воспринимаются как естественная часть экспрессивной лексики и фразеологии разговорного употребления.

Интересно, что по сравнению с русским общим жаргоном во французском аргю семантическое поле «человеческое тело» почти в семь раз более развернуто (соответственно 1,5 и 10%). Именно данное семантическое поле, на наш взгляд, концентрированно выражает смеховое, карнавальное начало, присущее французскому общему аргю. Смеховые арготические номинации во французском общем аргю получают не только традиционные «раблезианские» объекты (живот/грудь: *bide*,

bidon, buffet, brioche, caisse, coco, coffre, fusil, paillasse, placard, tiroir; зад: *fesse, foiron, miches, lune, oignon, popotin*; гениталии: *braque, braquemard, baba, bite, con, couille, gland* и т.п.), но и практически все наиболее портретно значимые части тела (голова и лицо: *bille, bobèche, bobine, boule, cabèche, carafe, cafetière, citron, chou, cassis, cerise, citrouille, coloquinte, fiole, frime, gueule, hure, pomme, poire, pêche, portrait, mufle, nénette, tirelire, trognon, trompette, tronc, tronche, trombine*; глаза: *châsses, lampions, mirettes, quinquets*; зубы: *osselets*; усы: *bacchantes*; рот/глотка: *avaloir, clapet, goulot, gargamelle, bec, margoulette*; шея: *kiki*; губы: *babines, badigoince*; нос: *blase, blaire, pif, tarin, truffe*; язык: *tapette*; уши: *esgourdes, feuilles, portugaises*; спина: *alpague*; конечности: *abattis, arpion, fumerons, jambons, guibolles, nougats, pattes, pincés, paluches, patoches, panards, pinceaux, quilles, pognes, ripatons*; кожа: *couenne* и т.п.).

Человеческое тело, получая в аргю самые разные метафорические наименования, как бы создает центростремительное движение: мир становится большим человеческим телом, антропоморфируется. В этом мы видим большое отличие французского общего аргю от русского общего жаргона. Мы предполагаем, что вероятной причиной такого расхождения являются, с одной стороны, более сильные традиции народной карнавальской смеховой культуры во Франции, своего рода атавизмом которой является антропоцентричность семантической сферы в общем аргю. С другой стороны, подобная архаичная тенденция к анимизации окружающего материального мира является, по всей видимости, универсальной для языковой модели мира деклассированных элементов разных стран. Однако в русской городской разговорной речи такие единицы не становятся распространенными в силу социокультурных и нормативно-речевых причин. Третий круг причин связан с особенностями структуры французского и русского языка.

Национально-культурную основу имеют, на наш взгляд, расхождения в представленности в изучаемом материале двух языков более частных семантических полей.

Так, в русском общем жаргоне, в отличие от французского общего аргю, представлены такие семантические поля, как «безделье, праздность», «лениться, бездельничать», «человек ленивый»: *раздолбай, сачок, филон; сачковать, филонить, балдеть, загорать, кайфовать; кайф, халява (холява)* и др. О важности лексико-семантической группы «человек ленивый» в составе экспрессивного лексического фонда русского языка писала Н.А. Лукьянова. По ее мнению, это связано «...с актуальностью семантического признака “отношение человека к труду” на уровне языковой системы, а это, в свою очередь, обусловлено социальной значимостью его на экстралингвистическом уровне: общеизвестно, что трудолюбие – одно из непременных мерил достоинства человека, критерий нравственной оценки личности» [5. С. 108].

Семантическое поле «быт» во французском общем аргю имеет более сложную структуру, чем аналогичное семантическое поле в русском общем жаргоне. В обоих объектах изучения представлены такие частные семан-

тические поля, как «предметы обихода» (*бычок, видик, шмотки, корочки, яцик; godet, bannière, brûte, capote, canon, froc, fringues, grim pant, harnais, jus, bafouille, babillard* и т.п.), «деньги» (*бабки, баксы, зелень, штыка; blé, braise, galette, fric, grisbi, oseille, pognon, thune, bifteck* и т.п.), «беспорядок – шум – ссора» (*базар, буча, беспредел, бардак; bazar, bastringue, barouf, bousin, cafouillage* и т.п.).

Однако во французском общем аргю находят выражение понятия «время» (*aprême, berge, une paye, plombe, sorgue*) и «пространство» (*bled, cambrouse, borne, zone*). Практически отсутствующее в русском общем жаргоне семантическое поле «природа» развернуто во французском общем аргю, где арготическую номинацию имеют понятия «вода» и «водоемы» (*baille, flotte, bouillon, jus; la grande bleue*), «погодные явления (дождь, туман, холод)» (*mélasse, baille, rincée, flotter, lancer, vaser, il pleut comme une vache pisse, il tombe des cordes, frigo*), «животные» (*bourrin, canasson, carcan, carne, tocard, cabot, cleb, clébard, greffier, mistigri, piaf, poiscaille* и т.п.) и др. В такой близости к природным началам просматриваются своего рода «атавизмы бытийного архаического аргю» [3. С. 115].

В то же время изучаемые объекты во французском и русском языках – явления урбанистические, где получают выражение различные городские объекты. Однако в русском общем жаргоне такие единицы немногочисленны (*толчок, толкучка, тачка*). Французское общее аргю дает смеховую, сниженную номинацию понятиям «улица» и «тротуар» (*trimarde, bitume, macadam, rade*), «вывеска» (*carotte*), «транспортные средства» – «автомобиль» (*bahut, bagnole, caisse, chignole, chiotte, guimbarde, guinde, hotte, tacot, teuf-teuf, tire, trotinette, veau*), «велосипед» (*bécane, clou*) и даже «самолет» (*coucou*).

Только во французском общем аргю представлено семантическое поле «дом (как место жительства)» (*bahut, cabane, cagna, creche, piaule, taule, turne*), что, вероятно, отражает социальную значимость соответствующего концепта во французской лингвокультуре.

Сопоставительный анализ позволил выявить в семантике русского общего жаргона преимущественное отражение деятельностного аспекта человеческого бытия, а во французском общем аргю – антропо- и предметоцентричность.

В классе «Социально-государственное» в обоих языках присутствуют семантические поля «армия», «дифференциация лиц по роду деятельности», «социальная дифференциация», «органы правопорядка».

В русском общем жаргоне и во французском общем аргю семантическое поле «органы правопорядка» весьма развернуто и выражает социальную антипатию к представителям власти, которая предстает, прежде всего, как карающий институт. В советской научной литературе о социальных диалектах было распространено мнение о том, что в жаргонах и аргю выражается таким образом социальный протест против антинародного, несправедливого политического режима, они предстают как форма «социального бунта» [6. С. 98; 7. С. 330]. Однако, по всей видимости, дистанцирование от официальной власти, выражающееся в пейоративной номинации ее представителей в субстандартной лекси-

ке, – общая черта для многих национальных культур, которая, возможно, имеет более глубокие корни, чем реакция на конкретные социально-политические условия.

В русском общем жаргоне единицы со значением «работник милиции» имеют резко пейоративную коннотацию (*мент, мусор*), соответствующую социальной непрестижности данной профессии в современном обществе. Во французском общем аргю единицы с данным значением менее пейоративны (в словарях они нередко имеют помету «fam.»): *flic, flicaille, flicard, poulet, cipal, cogne, rousse, roussin*. Если принять градуальный ряд эмоций «фамильярность – пренебрежение – презрение», где эмоции располагаются по степени усиления отрицательного содержания эмоции, то в русском общем жаргоне единицы со значением «работник милиции» выражают презрение, а во французском общем аргю – фамильярность и пренебрежение.

Единицы семантического класса «Социально-государственное» являются яркими примерами «экспрессивных историзмов». Таковы, например, жаргонизмы *совок, совковый*, характеризующие один из важнейших культурных концептов современного российского общества, – неприятие официальной советской идеологии, тоталитарного государства. Кризис армии породил такие жаргонизмы, распространившиеся во многом благодаря средствам массовой информации, в городской разговорной речи, как *дед, дедовщина, косить (от армии)*. Развернутым в русском общем жаргоне является семантическое поле «опустившийся человек, ведущий маргинальный образ жизни»: *бомж, бомжиха, бомжевать, бич, бичевать, бичевка, ханыга*. Если *фарцовщик* – жаргонизм эпохи застоя, то постперестроечный жаргон ввел в общий язык слово *челнок*, зачатую функционирующее как нейтрально-номинативное даже в сферах, далеких от обиходных.

Во французском общем аргю примерами такого рода являются *bat d' Af* «unités spéciales de l' Afrique du Nord, qui recevaient des recrues ayant subi une ou plusieurs condamnations avant le service militaire», *biribi* «compagnies disciplinaires d' Afrique», *collabo* «se dit d' un Français partisan, entre 1940 et 1944, de la collaboration avec l' occupant allemand», *affreux* «mercenaire européen qui a participé à des conflits localisés, dans certains pays (notamment d' anciennes colonies)», *joyeux* «surnom donné naguère aux soldats des bataillons d' infanterie légère d' Afrique» и др.

Специфической чертой французского общего аргю является наличие развернутого семантического поля «социальная дифференциация», где арготическую номинацию получают целые социальные классы и слои (*cloche* «existence des clochards», *gratin* «la partie la plus distinguée d' une société», *haute* «les gens de hautes classes de la société, les gens riches et puissants», *milieu* «groupe social vivant de la prostitution et de trafics illicites») и представители различных социально-профессиональных классов (*aristo, bouif, bouseux, cambroussard, clodo, cloporte, croquant, cureton, corbeau, gnaf, huile, margis, marron* и др.).

Арготическую номинацию получает и понятие «лица разных национальностей» (*angliche, fridolin, fritz, boche, chinotoc, macaroni*). При этом наряду с явно расистскими наименованиями (*bicot, bougnoul*) есть еди-

ницы-универбы, ставшие нейтральными в стилистическом плане и фиксируемые словарями литературного языка без всяких помет. Такова история арготизма *beur* (арготическая трансформация *arabe*), обозначающего так называемых иммигрантов второго поколения, т.е. детей арабов-иммигрантов из Северной Африки, родившихся во Франции. Первоначальный пейоративный оттенок практически полностью утрачен, поскольку единица выполняет номинативную функцию, заполняя лакуну в литературном языке.

Присутствует во французском общем арго и «ауто-национальная» тема. Уничижительным наименованием «среднего француза» – обывателя, ограниченного, самоуверенного и агрессивного человека – стала усеченная форма *beauf* (от *beau-frère*).

Как выражение смеховых архетипов народной городской культуры могут быть рассмотрены центры синонимической аттракции в общем жаргоне/общем арго. При этом мы принимаем во внимание структурные расхождения в русском и французском языках, накладывающие отпечаток на характер синонимии в арго и в жаргонах. «Ложная» суффиксация, распространенная во французском арго, формирует тождественные в семантико-стилистическом плане единицы, коэффициент близости каждой пары из них равен нулю. Метафорическая «радиация синонимов» по принципу семантических матриц (см. ниже) делает синонимические ряды во французском общем арго потенциально открытыми.

Микрокосм носителей общего жаргона существенно отличается от мировидения носителей конкретных социальных диалектов. Так, в русском уголовном арго наиболее объемными являются синонимические ряды, связанные с понятиями «убить», «украсть», «огрбить», «вор», «заключенный», «избить», «обмануть», «проститутка», «спиртное», «деньги», «донести», «физически и психически ущербный человек» [4. С. 21].

В русском общем жаргоне синонимические ряды не только много короче, чем в социальных диалектах, но и соотносены с другими денотатами. При этом члены синонимических рядов имеют, как правило, одну и ту же равномерную экспрессивно-эмоциональную окраску и являются частичными семантическими синонимами, т.е. оттеняют разные стороны обозначаемого объекта (*нагреть – наколоть – охмурить – кинуть – обуть (на обе ноги); балдеть – сачковать – филонить – кантоваться – кайфовать – тащиться – загорать; борзеть – буреть – выступать – возникать – выделяться – выпендриваться – наезжать*); указывают на различную степень проявления признака, действия (*бардак – беспредел*), а также на другое смысловое своеобразие слов (*варганить – вкалывать – горбатить – пахать – упираться; вешать лапшу на уши – пудрить мозги – заливать – травить; базарить – бухтеть – разводить бодягу – вякать – звонить – выступать – загибать*). Наиболее развернутыми в русском общем жаргоне являются синонимические ряды, соотносящиеся с денотатами «идти, уходить», «вызывающе себя вести», «говорить», «говорить неправду», «выдать, донести», «дурак, сумасшедший», «пить спиртное», «обмануть, провести», «беспорядок», «понимать», «надоедать». Очевидно, что в общий жаргон не

проникают синонимические ряды, отражающие специфику преступного мира. Центры синонимической аттракции общего жаргона выражают, прежде всего, самые общие эмоциогенные понятия, связанные с бытовой сферой общения, преимущественно действия.

В целом сходная картина наблюдается и во французском общем арго, где самые длинные синонимические ряды связаны с такими денотатами, как «*tête*», «*fou*», «*s'enivrer*», «*parler*», «*argent*», «*manger*», «*tromper*», «*voiture*», «*voler*», «*donner des coups*», «*ventre*», «*piéd/jambe*», «*ivte*» и т.п.

Таким образом, анализ изучаемых объектов двух языков выявил, что русский общий жаргон и французское общее арго имеют иную – количественно и качественно – синонимику, чем в жаргонах и арго. Для данных объектов не характерна синонимическая гипертрофированность, свойственная корпоративным социальным диалектам. Значительно редуцированные, по сравнению с синонимическими рядами в жаргонах и арго, синонимические ряды в изучаемых нами объектах соотносятся с денотатами бытовой сферы.

Одной из существенных черт жаргонной/арготической лексики является словесный образ, реализуемый через метафорический или метонимический перенос значения слова или одного из его лексико-семантических вариантов. По мнению многих исследователей, специфика субстандартной лексики вообще обусловлена субъективным, конкретным и эмоциональным характером выражаемой ею мысли. Высказывалось мнение, что «рядовому носителю языка чужда абстракция» [8. С. 327]. Причину обилия образных средств в «нижних ярусах» разговорной речи лингвисты видят, с одной стороны, в «тенденции к повышению экспрессивности знака как общем явлении, связанном с потребностью выразить в языке личностное начало», и, с другой стороны, эта тенденция («стремление к образности») рассматривается как свойство эмоциональной речи [7. С. 327]. На зависимость переносного значения слова не от логического, а от комплексного мышления, особенность которого заключается в ориентации человека на личный опыт, указывал еще Л.С. Выготский [9]. Возникающие на базе комплексного мышления ассоциативные связи и приводят к образованию слов, семантически мотивированных и стилистически маркированных.

В русском общем жаргоне имеется около 27% образных единиц (преимущественно метафор и метафорических перифраз), во французском общем арго – около 30%. Именно образные единицы ярко демонстрируют национальную специфику речевого мышления, являясь носителями «национальных смыслов» – национальной формы вербализованного общечеловеческого содержания.

Для единиц русского общего жаргона, образованных путем метафорического переноса, характерно «снижение» абстрактного понятия через его конкретное обозначение. Поскольку в семантике общего жаргона доминируют единицы, обозначающие различного рода действия, наиболее распространенной является модель переноса «абстрактное действие – физическое действие» (как правило, это действие резкое, интенсивное, требующее известных физических усилий). Харак-

терным примером в русском общем жаргоне является семантическое поле с денотатом «понимать, соображать, разбираться»: *волочь, врубаться, сечь, усечь, просечь*. Другие примеры: *выбить* «с трудом добиться, получить что-л. у кого-л.», *выдать* «сказать что-л. неожиданное или резкое, неприятное, неуместное», *гонять* «экзаменовывать строго, с пристрастием», *долбать (задолбать)* «беспрестанно напоминать о чем-л., повторяя одно и то же; твердить», *завалиться* «потерпеть неудачу», *загнать* «продать», *загнать* «сразу лишиться высокого положения, должности», *закачаться (закачаешься!)* «выражение высокой оценки чего-л.», *зашибить* «добыть, заработать в большом количестве», *колоться* «сознаваться», *наезжать* «провоцировать, быть в претензии к кому-л.», *обломиться* «достаться, перепасть (о чем-н. хорошем)», *раскалывать* «добиваться признания вины», *упираться* «упорно работать, делать что-л.» и т.п.

По всей видимости, эта тенденция обозначения абстрактного через конкретное является общей для субстандартной экспрессивной лексики. Жаргоны (особенно молодежные) гипертрофируют эту тенденцию, а общий жаргон естественно вбирает в себя подобные единицы, которые затем органично входят в экспрессивный лексический фонд разговорного употребления.

Специфика образной лексики в составе французского общего жарго во многом определяется своеобразным преломлением во французском языке одной из универсальных тенденций в области метафорического переноса – так называемого «закона Шпербера».

Согласно «закону Шпербера» [10] если в данное время какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни данного общества и одно слово из этого круга идей изменило значение, то и другие слова того же семантического поля последуют за этим словом. С другой стороны, понятия этого комплекса идей постоянно притягивают к себе новые наименования.

«Закон Шпербера» чрезвычайно характерен для французского языка. Неслучайно он был установлен Шпербером на материале французского военного жарго. Специфика проявления «закона Шпербера» во французском языке обусловлена тем, что этому языку в высшей степени свойственна метафорическая «радиация синонимов», групповой перенос значений слов по принципу «семантических матриц» [11. С. 35].

Вслед за одним словом аналогичное значение начинают приобретать и другие слова той же лексико-семантической группы. В итоге выстраиваются длинные синонимические ряды. Легкость такой синонимической «радиации» свидетельствует об отсутствии четких семантических границ между членами лексико-семантической группы, о менее прочной связи сем в семантической структуре французского языка. Данная закономерность иллюстрируется примерами из французского общего жарго: «*ventre, poitrine*» – *buffet, coffre, bureau, caisse, crédence, placard, tiroir* (уподобление предмету мебели); «*argent*» – *blé, bifteck, beurre, galette, fric, gâteau, radis* (метонимический перенос «продукт питания» – «средство к существованию»); «*tête*» – *carafe, cafetière, fiole, bouillote, tirelire* (уподобление сосуду); *cerise, ciboulot, citrouille, citron, coloquinte, pêche, pomme, poire, chou, coco, cassis, trognon* (уподобление фрукту) и т.п.

В лексике французского общего жарго представлен почти весь «набор» наиболее распространенных сельскохозяйственных культур (фрукты, овощи и даже злаки): их образы легко «иррадируют» из одного семантического ряда в другой вслед за каким-нибудь из них, принявшим новое, арготическое значение. Например, «*coup de poing*»: *châtaigne – marron – castagne – mandarine – orange – prune – mûre*.

В большей степени, чем в русском общем жаргоне, во французском общем жарго распространены зооморфизмы: «*proхénète*»: *maquereau, maquerelle, barbeau, hareng, marlou, poisson, dos vert, dos d'azur*, а также *brème* – «*carte à jouer*», *corbeau* – «*prêtre*», *coucou* – «*avion*», *crabe* – «*individu ridicule*», *crapaud* – «*gamin, enfant; petit homme laid*», *gorille* – «*garde du corps*», *hûtre* – «*personne stupide*», *(se) montrer la bourriche* – «*se faire des illusions, s'exalter jusqu'à perdre la tête*», *chien du commissaire* – «*son secrétaire, son remplaçant*», *manger la grenouille* – «*voler de l'argent à un groupe de personnes dont on fait partie*», *coller, poser un lapin* – «*ne pas tenir une promesse; s'en aller sans payer*» и т.п.

Безусловно, функционирование фито- и зооморфизмов в составе экспрессивной лексики – проблема интересная и малоизученная. Их распространение во французской городской речи свидетельствует, на наш взгляд, о древней, архаичной природе данного явления.

Яркой национально-культурной чертой изучаемой субстандартной лексики в двух языках является специфическая ориентация образных единиц на их соотносительность с теми или иными органами чувств.

Примером данной тенденции является единица *bazar* (*базар*), встречающаяся в обоих изучаемых подсистемах. Если значение слова *bazar* в русском общем жаргоне связано со слуховым образом – «шум, крик», то во французском общем жарго – с визуальным: «*ensemble d'objets divers, en désordre, souvent mal définis*» («беспорядок, нагромождение вещей»). Характерно наблюдение, сделанное еще А.А. Потебней: «В славянских языках, как и во многих других, вполне обыкновенны сближения восприятий... зрения и слуха» [12. С. 77].

В целом образы русского общего жаргона часто апеллируют к слуху, к слуховым ассоциациям: *гудеть, дать шороху, долбать, загнать, обломиться, раскалывать, свистнуть, трахнуть* и т.п. Во французском общем жарго метафорический перенос зачастую основан на зрительных ассоциациях: *bûche* – «*chute lourde*» (от *ramasser une bûche*, ср. в русском языке – «шлепнуться»), *corrida* – «*querelle, dispute bruyante*», *(se) déboutonner* – «*dire tout ce que l'on pense*», *étriller* – «*battre, malmener, réprimander*» и т.п. и даже обонятельных – *fumant* – «*extraordinaire, sensationnel*», *faisandé* – «*se dit d'une personne, d'une société dont la morale est relâchée*», *être, mettre au parfum* – «*être au courant, mettre au courant*».

Среди метафорических и метонимических перифраз во французском языке часто встречаются яркие, не лишённые даже определенного остроумия, а порой и некоторой поэтичности: *avoir l'araignée dans le plafond* – «*avoir l'esprit dérangé; être un peu fou*»; *avalier son acte de naissance* – «*mourir*»; *croire au barbu* – «*croire au Père Noël, être très naïf*»; *mettre du beurre dans les épinards* –

«cela améliore beaucoup la situation»; *être dans le brouillard* – «être un peu ivre»; *claquer du bec* – «être affamé»; *lever le coude* – «boire copieusement, être porté à la boisson»; *être à ramasser à la (petite) cuillère* – «être en pitieux état ou brisé de fatigue»; *faire le pied de grue* – «attendre longtemps debout, au même endroit»; *manger des pissenlits par des racines* – «mourir»; *fricassée de museaux* – «gros baisers»; *panier de crabes* – «ensemble d'individus aux relations complexes ou hostiles» и т.п.

В русском общем жаргоне метафорические перифразы относительно менее многочисленны и основаны, как правило, на сниженном, зачастую грубом, образе: *вешать лапшу на уши, откинуть копыта, рвать когти, разводиться бодягу, травить баланду, крыша поехала, пудрить мозги* и т.п.

Итак, общие черты в семантике изучаемых объектов в русском и французском языках (архетипичность семантической сферы, эмоциональность, об-

разность) обусловлены принадлежностью общего жаргона/общего арго в составе субстандартной лексики к народной смеховой культуре. Промежуточный статус данных языковых образований выражается в отличной от социальных диалектов денотативной референцированности (преимущественно бытовая сфера) и отсутствии синонимической гипертрофированности.

Национально-культурная специфика складывается из различной представленности и степени развернутости семантических полей в русском общем жаргоне и французском общем арго. В семантическом плане русский общий жаргон характеризуется широкой соотносительностью с деятельностно-бытийным аспектом, тогда как французское общее арго проявляет антропо- и предметоцентричность и характеризуется более явно выраженным наличием элементов природно-бытийного начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 541 с.
3. Елистратов В.С. Арго и культура. М.: Изд-во МГУ, 1995. 231 с.
4. Грачев М.А. Происхождение и функционирование русского арго: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 35 с.
5. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
6. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: Изд-во Смолен. пед. ин-та, 1975. 120 с.
7. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 343 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 318 с.
10. Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language / Ed. by J. Greenberg. M&T. Cambridge (Mass.), 1963.
11. Calvet L.-J. L'Argot. PUF, collection «Que sais-je?». 1994. 127 с.
12. Потемня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2009 г.